

Представления Гельвеция о восстании, о революции весьма неопределенны. В этой связи следует еще раз напомнить, что у этого передового для своего времени мыслителя, как у многих его современников, теоретическим рассуждениям о революции противостоят весьма решительные заявления в защиту мирных преобразований.²⁷³ Естественно, что мечта о постепенном и незаметном преобразовании ведет Гельвеция — при всем его трезвом реализме — из бурного моря борьбы интересов и революционных восстаний в столь привычную для общественной мысли XVIII века тихую пристань «просвещенного абсолютизма».

* * *

Противоречия социально-политического учения Гельвеция совершенно очевидны, и мы их не раз отмечали. Он проявляет колебания — иногда не замечая их, а иногда, может быть, и замечая — в самых основных вопросах социальной теории. В ряде пунктов своего построения Гельвеций явно отходит от господствующей в XVIII веке рационалистической схемы, выдвигая положения, ей противоречащие и намечающие, хотя и не очень уверенно, пути к иному, материалистическому пониманию общественных явлений. Но развить, отправляясь от этих положений, материалистическую теорию общества он не может и потому после каждой своей попытки отойти от рационализма вновь и вновь к нему возвращается.

Гельвеций, как мы уже знаем, основной целью общества признавал «наибольшее благо наибольшего числа людей». Он видел, что господствующее в обществе «неравенство состояний» совершенно не соответствует этому принципу. Иногда этот явный разрыв между действительностью и требованиями теории подводил его очень близко к представлениям об общественном порядке, выходящем за пределы буржуазного кругозора. Но, оставаясь на почве буржуазного принципа «священного права собственности», разрешить проблему общественного неравенства он не был в состоянии. Разрешить ее могла лишь построенная на прочной основе диалектического материализма теория научного коммунизма.

Тем не менее реабилитация земной человеческой природы, защита прав разума и опыта, защита идей природного равенства человеческих способностей и определяющего влияния на человека воспитания, среды, учение о борьбе интересов как движущей силе исторического развития, требование такого общественного устройства, при котором интересы индивида совпадали бы с интересами общества, — все эти характерные черты философии Гельвеция позволяют видеть в нем крупнейшего представителя того направления французского материализма XVIII века, которое Маркс и Энгельс считали приводящим непосредственно к социализму и коммунизму.²⁷⁴

IV. ДЕМОКРАТЫ И УРАВНИТЕЛИ

1. РУССО

Физиократы радостно приветствуют зарю нового, капиталистического общества. Отражая настроения преуспевающей буржуазии, они смотрят на будущее оптимистически. Рост буржуазных общественных отношений оценивается, как прогресс человечества. Но у буржуазного прогресса есть оборотная сторона, которая в учении физиократов остается в тени. Успехи капитализма покупаются ценой крови и слез, ценой угнетения, экспроприации, обнищания и физического истребления широких масс. Для низов городской мелкой буржуазии и для крестьянской бедноты буржуазный прогресс — разрушительная сила, отнимающая собственность, превращающая хозяина мастерской в наемного рабочего, крестьянина — в батрака, сводящая до ничтожного минимума заработок сохраняющего свою кажущуюся самостоятельность мелкого собственника, бессильного против конкуренции со стороны крупного предпринимателя или против эксплуатации со стороны торговца-скупщика. Само собой разумеется, что социальные настроения этих слоев были весьма далеки от оптимизма физиократов. Эти настроения должны были создать — и действительно создали — почву для возникновения в XVIII веке весьма влиятельного литературного течения, которое можно назвать уравнительным.

Представители этого течения отнюдь не сочувствуют феодализму. Наоборот, их критика феодализма значительно резче и определеннее, чем критика физиократов. Крупная буржуазия могла мечтать о компромиссе с силами старого феодального порядка. Мелкобуржуазные слои (особенно крестьяне) видели в феодале своего злейшего эксплуататора, ненависть к которому отнюдь не становилась меньше от того, что рядом с ним появилась фигура нового эксплуататора — капиталиста.

²⁷³ Ibid., VI, ch.9

²⁷⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.III, стр.160.

Но идеологи мелкой буржуазии не могли принять и той идеализации капитализма, которую давали физиократы. Поэтому критика феодально-бюрократических порядков соединяется у них с критикой растущих капиталистических отношений. Последняя, конечно, половинчата, непоследовательна. Отправляясь от исследования бедственного положения масс, писатели этой группы приходят к выводу, что источником его является неограниченное господство частной собственности. Поэтому они — решительные противники принципа *laissez faire*, сторонники ограничений буржуазной «свободы». Некоторые из них идут дальше и признают злом частную собственность вообще. Но из своего теоретического радикализма они не в состоянии сделать логический вывод о необходимости отмены частной собственности. Мелкий собственник, благосостоянию которого угрожает капиталистическое развитие, существование которого в качестве самостоятельного производителя становится непрочным, способен на резкие выпады против собственности как основы богатства и эксплуатации. Но он мечтает отнюдь не об уничтожении частной собственности, а о хаком строе, в котором собственность была бы «очищена» от своих «отрицательных» сторон и упрочена в его, мелкого собственника, интересах. Практические предложения мелкобуржуазных идеологов сводятся к борьбе с растущим неравенством путем более или менее решительных уравнивательных мероприятий. Они — уравниватели, эгалитаристы, но не социалисты. Наиболее радикальные из них требуют всеобщего передела земли, мелких неотчуждаемых наделов; более умеренные довольствуются законами против роскоши, регламентацией наследования и т.п. Как критики буржуазного неравенства они утопически стремятся задержать рост буржуазных отношений, повернуть назад ход истории; как критики неравенства Феодального они объективно лишь расчищают путь для капиталистического развития.

Крупнейшим теоретиком этого направления является Руссо (1712—1778). Жан-Жак Руссо родился в Женеве в протестантской мелкобуржуазной семье. Чувствительный, самолюбивый, замкнутый и склонный к мечтательности мальчик рано попал в суровую школу жизни. Тринадцати лет он был отдан в ученики к грубому, ограниченному и жестокому мастеру. Голод, унижения, побои — все это было хорошо знакомо Руссо по личному опыту. Шестнадцати лет он убежал от своего хозяина. Между годами ученичества и началом литературной деятельности лежит большая полоса жизни, заполненная скитаниями, бесплодными попытками получить работу, унижениями. В эти годы Руссо испытал самые разнообразные жизненные положения. Он переменил веру, учился в католической семинарии, учился музыке, преподавал музыку, был мелким служащим в канцелярии, был лакеем. Руссо пришел, таким образом, в литературу с исключительно тяжелым и сложным жизненным опытом. Но жизнь не сломила Руссо. Она лишь развила в нем чувство глубокой ненависти к существующим социальным отношениям, болезненную чувствительность к страданиям бесправных и угнетенных масс. Он выступает в литературе как их естественный представитель и защитник их интересов. Но воспринимает он их страдания сквозь призму мелкобуржуазного миропонимания, ищет спасения на путях укрепления мелкобуржуазных отношений.

* * *

Из произведений Руссо основным для понимания его социальной теории является «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми» (1755).¹

Исходный пункт общественной философии Руссо — естественное состояние, предшествующее возникновению законов и государства. В начале «Рассуждения о происхождении неравенства» Руссо заявляет, что естественного состояния, быть может, никогда и не было, что его описание не столько историческая истина, сколько гипотеза, необходимая для выяснения природы вещей, иначе говоря, для правильного суждения о том состоянии, в котором мы сейчас находимся. Это заявление само по себе достаточно решительно. Но следующая за ним ссылка на авторитет священных книг, ничего не говорящих о естественном состоянии, делает сомнительной искренность Руссо в данном случае. «Из священного писания, — говорит он, — мы ясно видим, что даже первый человек, получивший непосредственно от бога знания и наставления, не находился в этом состоянии; если относиться с доверием к книгам Моисея, как это подобает всякому философу-христианину, то придется отказаться от предположения, что люди находились некогда в состоянии вполне естественном... Религия предписывает нам верить, что сам бог вывел людей из естественного состояния непосредственно после их сотворения, но она не возбраняет нам строить на основании одной только природы человека и окружающей его среды предположения о том, чем стал бы род человеческий, если бы он был предоставлен самому себе». Весьма вероятно, что единственная цель всех этих оговорок Руссо — смягчить судий своей работы из ортодоксально-богословского лагеря.² Как бы то ни было, в дальнейшем Руссо совершенно о них забывает.

¹ *Oeuvres complètes de J.J.Rousseau*, t.VII. Paris, 1788—1793 *Politique*, t.I.

² «Рассуждение» было написано на тему, предложенную Дижонской академией.

Решение вопроса о происхождении неравенства, утверждает Руссо, требует, как предварительного условия, познания естественного человека,— человека, каким создала его природа. Для того чтобы достигнуть такого познания, необходимо отделить в человеке то, что было присуще ему изначально, от всех тех изменений, «которые должна была произвести в его первоначальной организации последовательная смена времен и явлений». Отделить врожденное от искусственного в современном человеке — задача сложная. Прогресс, накопление новых знаний и заблуждений, разрушительное действие страстей изменили человеческую душу до неузнаваемости.³ И все же исследование подлинной природы человека необходимо.⁴ Не зная человека в его природе, в его естественном состоянии, нельзя понять ни естественного закона, наиболее соответствующего организации человека, ни истинных оснований человеческого общества и политической организации, ни причин возникновения неравенства.

Естественный закон существует для человека лишь постольку, поскольку человек является существом разумным и свободным. Он говорит человеку непосредственно голосом самой природы. Исходя из этого положения, принимаемого им, очевидно, за аксиому, Руссо предлагает отложить в сторону книги и обратиться к первым и простейшим движениям человеческой души. Освободив человеческое существо «от всех даров, какие могли быть получены им сверхъестественным образом, и от всех искусственных способностей, какие могло оно приобрести на долгом пути прогресса, словом, рассматривая его таким, каким должно было оно выйти из рук природы, я вижу перед собой одного из представителей животного мира, менее сильного, чем иные из них, менее проворного, чем некоторые другие, но в общем организованного более выгодно, чем животные всех других пород. Я вижу, как утоляет он свой голод под любым дубом, а жажду из первого попавшегося источника, как находит он постель под тем же деревом, которое доставило ему обед. Вот и все, что нужно для удовлетворения его потребностей».⁵

В душе естественного человека имеются два начала, предшествующие разуму: самосохранение и сострадание. Самосохранение заставляет человека заботиться о собственном благосостоянии, а сострадание внушает ему отвращение к страданиям и смерти всякого живого существа, особенно же ему подобных. Из этих двух основных принципов исходят все нормы естественного права.⁶ Впоследствии естественное себялюбие, направляемое разумом и умеряемое сострадательностью, породит в человеке гуманность и добродетель.

Инстинкта общности у естественного человека нет; дикари — одиноки и не нуждаются друг в друге. Языка у них нет, да он и не является для них необходимым. Они живут рассеянно в лесах, среди зверей, не зная никаких промыслов, питаются тем, что дает им земля в своем естественном плодородии. Все их желания имеют основой физические потребности; это — пища, самка и отдых. Потребности легко удовлетворимы, поэтому первобытному человеку чужды предусмотрительность и любопытство; его разум, как и его кругозор, неизбежно ограничен, его планы не выходят за пределы текущего дня. Всякий настойчивый труд вызывает у него отвращение. Его воображение ничего ему не рисует, его сердце ничего не требует. Дикарю доступны только простейшие психические акты,— такие же, какие имеются и у животного. «Хотеть или не хотеть, стремиться чем-нибудь обладать или чего-нибудь бояться — таковы будут первые, почти единственные, движения его души». Страсти человека определяются либо естественным импульсом, либо знаниями: желать или бояться чего-нибудь можно только на основании представлений о том, чего мы желаем или боимся. Дикарю, лишенному каких бы то ни было знаний, присущи лишь страсти первого порядка — страсти, вызываемые естественными инстинктами. Чтобы жить в естественном состоянии, для человека достаточно инстинкта. Постоянных жилищ у дикарей нет; нет у них и семьи: половые отношения случайны, а дети покидают мать, как только становятся способны самостоятельно добывать себе пищу.⁷

Собственно говоря, у дикарей нет ни добродетелей, ни потоков, так как у них нет моральных связей и моральных обязанностей. Но Руссо признает неправильным учение Гоббса, согласно которому естественного человека, не имеющего понятия о добре, следует считать злым от природы, что он порочен, поскольку он не знает добродетели.⁸ Страсти дикаря, утверждает Руссо, в соответствии с его ограниченными потребностями, мягки и немногочисленны. К тому же они сдерживаются состраданием, которым обладают даже животные.

³ *Politique*, t.I, p.31—35.

⁴ *Ibid*, p.35—36.

⁵ *Ibid.*, p.54—55.

⁶ *Politique*, p.39—40.

⁷ *Ibid.*, t.I, p.65—75.

⁸ *Ibid.*, p.94—95.

Сострадание, предшествующее первым попыткам мышления, выполняет в естественном состоянии роль законов нравственности и добродетелей. Умеряя активность себялюбия, сострадание способствует самосохранению человеческого рода в целом.⁹ Драки из-за пастьища или из-за самки у дикарей редки: живут они изолированно, земельный простор велик, а индивидуального полового чувства они не знают. Они не знают ни тщеславия, ни раболепства; у них нет понятия о «моем» и «твоем» и их раздоры редко приводят к кровопролитиям.¹⁰ По отношению к естественному состоянию нельзя говорить ни о воспитании, ни о прогрессе. «Поколения, — говорит Руссо, — сменялись, но все оставалось по-старому, и каждое начинало сызнова путь, пройденный предыдущим. Столетия текли, не внося никаких изменений в первобытный строй жизни. Род был уже стар, а человек оставался ребенком».¹¹

Так, не зная ни общества, ни собственности, ни семьи, люди жили многие века. Различия между людьми в естественном состоянии, по мнению Руссо, ничтожны и неравенство между ними едва заметно. Естественное состояние очень устойчиво: природа, утверждает Руссо не готдвила лкцей к общественной жизни. Она не старалась сблизить их взаимными потребностями, не помогала им в изобретении языка. Даже если предположить у первобытных людей потребность во взаимопомощи, — как могли бы они, не имея языка, удовлетворить эту потребность? Должно было пройти немало времени, говорит Руссо, прежде чем у первобытных людей могли возникнуть желание и возможность покинуть естественное состояние с его невинной и спокойной жизнью. Этот переворот в жизни человечества был бы немыслим, если бы человеку не была присуща способность к совершенствованию. Именно эта почти безграничная способность к совершенствованию является необходимой предпосылкой всего дальнейшего развития человечества — развития его знаний и его заблуждений, его добродетелей и его пороков.¹² Однако духовные свойства, которыми человек был наделен в естественном состоянии, не могли совершенствоваться и развиваться сами собой. Для этого «они нуждались в содействии множества внешних причин». Если бы эти причины не возникли, то человек навсегда остался бы в первобытном состоянии.¹³ Развитие разума тесно связано со страстями человека. Наш ум развивается, благодаря деятельности страстей. Страсти в свою очередь находятся в зависимости от наших потребностей, а потребности вызваны окружающей природой и внешними обстоятельствами.¹⁴ Трудно представить себе расстояние между простыми ощущениями человека и самыми несложными знаниями. «Нельзя представить себе, как мог человек своими силами, без помощи общения с другими людьми, перейти такое огромное пространство».¹⁵

Толчком к развитию человечества в теории Руссо, как и во многих других теориях XVIII века, служит размножение человечества. Голод всегда являлся, говорит Руссо, основным стимулом деятельности человека. Засуха, неурожай плодов, свойства почвы и климата всегда влияли на род этой деятельности. С увеличением числа людей растут трудности в добывании пищи. Эти трудности заставляют человека изыскивать новые средства добывать себе пропитание. На берегах вод люди изобретают лесу и крючок и становятся рыбаками; в лесах они делают себе луки и стрелы и становятся охотниками. В холодных странах люди надевают на себя шкуры убитых ими зверей. Какая-либо счастливая случайность научает их пользоваться огнем. Вместе с этими первыми успехами на путях культуры растет наблюдательность человека зарождаются рефлексия и предусмотрительность. Человек начинает замечать, что другие люди чувствуют и ведут себя сходно с ним. Иногда человек ищет помощи у себе подобных. Сначала это отдельные случаи сотрудничества, соединяющие людей для определенной цели и длящиеся короткое время, но постепенно из них вырастают более прочные союзы (орды). Люди незаметно для самих себя приобретают грубые понятия о взаимных обязанностях и о выгоде их исполнения. Это сближение людей ведет к возникновению языка и облегчает дальнейший прогресс. Чем больше просвещается ум человека, тем быстрее развивается его хозяйственная деятельность. Люди изобретают каменный топор, строят первые жилища, становятся оседлыми. Тогда только появляются прочная семья и первые зачатки собственности. Каждая семья представляет собой маленькое общество, свободное и потому тесно сплоченное. Отношения между полами, вызываемые естественным влечением, ведут за собой отношения более нежные и прочные. Возникновение семьи и переход к оседлой жизни способствуют дальнейшему развитию общественности.

⁹ *Politique*, t.I, p.99—101.

¹⁰ *Ibid.*, t.I, p.102-103.

¹¹ *Ibid.*, p.109.

¹² *Ibid.*, p.71, 91-92.

¹³ *Ibid.*, p.113-114.

¹⁴ *Ibid.*, P.72-73.

¹⁵ *Politique*, t.I, p.76.

В конце концов в каждой стране образуется особый народ, объединенный общими нравами и обычаями. При умеренности потребностей человека этого периода, изобретение новых орудий, облегчающих человеческий труд, впервые создает для него возможность некоторого досуга. У людей возникают искусственные потребности, бремя которых тяжело ложится на последующие поколения; создаются первые искусства — пение и пляска. Физические и умственные различия между людьми становятся более заметными, что составляет как бы первый шаг к неравенству. Законов в это время у людей еще нет. Санкцией зачатков общественных норм поведения служат общественное порицание и кровная месть.¹⁶

Период, лежащий между естественным состоянием с его косностью и образованием государства и законов, Руссо считает самым продолжительным и самым счастливым. Если естественное состояние — детство человечества то этот период можно называть его молодостью. «Последующий прогресс, ведущий, по-видимому, к совершенствованию индивида, ведет на самом деле к одряхлению рода».¹⁷

Общество, утверждает Руссо, в известном смысле естественно для человеческого рода, но естественно так же, как дряхлость для индивида; народам нужны искусства, законы и управление, но нужны так, как старикам костыли. Утверждение общественного порядка проистекает из природы человека, но только в результате роковой случайности, которой следовало бы никогда не происходить, в результате известных внешних обстоятельств, которые могут не наступить вовсе или по крайней мере быть замедлены человеческий род может ускорить или отсрочить, наступление своей старости.¹⁸

* * *

«Пока люди довольствовались сельскими хижинами, говорит Руссо, пока они шили себе одежды из звериных шкур..., украшали себя перьями или раковинами..., улучшали свои луки и стрелы, выдалбливали острыми камнями немудрящие рыбацьи лодки, — словом, пока они выполняли лишь такие работы, которые были под силу одному, разрабатывали лишь такие искусства, которые не требовали сотрудничества многих людей, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми. Но с той минуты, как человек стал нуждаться в помощи другого, с той минуты, как люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи, достаточный для двух, равенство исчезло, возникла собственность, стал неизбежен труд и обширные леса превратились в веселые нивы, которые нужно было поливать человеческим потом, и на которых вскоре взошли и расцвели вместе с посевами рабство и нищета».¹⁹

Первым шагом к вырождению было, по мнению Руссо, возникновение земельной собственности. «Истинным основателем гражданского общества, — говорит Руссо, — был тот, кто первый огородил свой участок земли, решился сказать: «это мое» и нашел достаточно простых людей, чтобы ему поверить. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!»» «Идея собственности, — говорит Руссо, — не внезапно сложилась в уме человека. Нужно было далеко уйти по пути прогресса, приобрести множество технических навыков и знаний..., чтобы приблизиться к этому последнему пределу естественного состояния».²⁰ Этот переворот произвело изобретение металлургии и агрикультуры.

Прогресс этих отраслей хозяйства составляет как бы единое целое. Земледелие начинается, вероятно, с посадки овощей вокруг хижин, так как люди не имеют еще подходящих орудий для хлебопашества, да и спроса на хлеб нет.

Культура земли с необходимостью вызывает раздел земли. Труд, приложенный к земле, дает право сначала на продукты, затем и на самую землю до момента уборки. Повторяясь из года в год, это право превращается в право земельной собственности. Как мы видим, Руссо отнюдь не склонен придавать собственности характер естественного права; собственность для него — установление историческое, ее возникновение он расценивает как фактор отрицательного значения для жизни человеческого общества. Земельная собственность дриносит с собой человечеству рост неравенства и борьбу интересов, рабство и нищету. С момента ее установления прогресс человечества есть в то же время прогресса неравенства.

¹⁶ Politique, t.I, p.117-130.

¹⁷ Ibid., p.130—131.

¹⁸ Ibid, p.131, 246.

¹⁹ Ibid., p.131—132.

²⁰ Politique, t.I, p.116.

Руссо различает два вида неравенства — неравенство естественное, восходящее к природным различиям между индивидами, и неравенство общественное, устанавливаемое самими людьми. Мы уже указывали, что различия между людьми в естественном состоянии он считает совершенно ничтожными. Не только неравенство общественное, но и неравенство естественное получает большое развитие лишь в условиях общественной жизни человека. «Нетрудно видеть,— говорит он,— что многие различия между людьми, считавшиеся естественными, обязаны своим возникновением тем привычкам, которые усвоили люди в обществе, и образу жизни который ведут они в общественном состоянии».²¹ Свою задачу Руссо видит в том, чтобы показать, как неравенство, едва заметное в естественном состоянии, растет в связи с последовательным развитием человеческого ума.²² На этом пути развития неравенства установление земельной собственности составляет важнейший, можно сказать решающий, этап. Если бы люди были совершенно равны по своим талантам и по своим потребностям, равенство могло бы сохраниться и в новых условиях люди более сильные достигали бы больших успехов в своей работе, более ловкие извлекали бы большую выгоду из своего труда. Таким образом, при одинаковой затрате труда люди могли бы получать весьма неравные доходы. Неравенство возрастало, различия между людьми становились все более ощутительными.²³

Дальнейший ход событий легко себе представить. Одни люди успевают захватить в свои руки много земли, и в конце концов вся земля оказывается поделенной между ними. Другим из-за их слабости или беспечности вовсе не достается земли. Они становятся бедняками, как будто ничего не потеряв.²⁴ Условия вынуждают их или получать все из рук богатых, или грабить их. Так возникают, с одной стороны, отношения господства и рабства, с другой — насилия и грабежи. Бедняки, не имеющие земли, а тем самым лишены средств существования, основываясь на своих нуждах, приписывают себе право на имущество других, равносильное праву собственности. Между правом более сильного и правом первого захвата идет непрерывная борьба. «Возникающее общество становится театром ожесточеннейшей войны».²⁵

Земельная собственность оказывается недостаточно обеспеченной. Для ее охраны нужны новые средства. Богатые, для которых эта война более убыточна, решают воспользоваться против бедных хитростью. Они составляют план, «наиболее обдуманной из всех, какие возникали когда-либо в человеческом уме». Они говорят приблизительно так: объединимся, чтобы защищать слабых от притеснения, обеспечить каждому его владение, мир и справедливость; вместо того, чтобы тратить свои силы в борьбе друг против друга, создадим верховную власть, которая будет править на основании мудрых законов, оказывать покровительство и защиту всем членам союза, отражать наших общих врагов и поддерживать между нами вечное согласие. Бедняков было нетрудно обмануть и завлечь этой картиной. Люди покупают воображаемый покой ценой реального счастья. Так установление земельной собственности приводит людей к общественному договору, созданию общественной власти и законов. Законы дали лишь новую силу богатым закрепив собственность, сделав из узурпации непререкаемое право, подчинив род человеческий труду, рабству и нищете.²⁶

Первоначальный политический строй был строем несовершенным и неустойчивым, так как он являлся почти всецело делом случая. Лишь постепенно власть принимала все более устойчивые и вместе с тем все более жесткие формы

Сначала все законы сводились к нескольким общим нормам, которые были обязательны для частных лиц и соблюдение которых гарантировалось общиной в целом. Слабость подобного правления заставляет, однако, вскоре прийти к мысли «доверить частным лицам опасное сокровище, называемое общественной властью». Так возникает выборная магистратура. Так как народ, устраивая свои общественные отношения, соединил все частные воли в одну общую волю, то все его постановления, в которых выразилась эта воля, являются основными законами, обязательными для всех граждан, в том числе и для магистратов. Общественный договор, таким образом, по мнению Руссо, не только образует общество как политическую организацию, но и определяет взаимоотношения народа с избранными им правителями. Так как общественный договор может быть в любой момент расторгнут как правителем, так и народом, так как его расторжение неизбежно повлекло бы за собой бесконечные раздоры и неурядицы, то для сохранения правительственного строя в человеческих обществах необходима более прочная основа, чем наш

²¹ Ibid., p.110—111.

²² Politique, t.I, p.113.

²³ Ibid, p.137.

²⁴ Ibid, p.140—141.

²⁵ Ibid, p.141—142.

²⁶ Politique. T.I p.142—146.

разум. Необходимо вмешательство божественной воли, чтобы придать верховной власти характер неприкосновенности.²⁷

Это брошенное им вскользь в «Рассуждении о неравенстве» положение о необходимости религиозной санкции для устойчивости государственной власти Руссо считает весьма существенным для своей политической теории, в «Общественном договоре» он, как мы увидим ниже, уделяет ему большое внимание.

Форма правления, устанавливающаяся в государстве, зависит в основном от распределения между гражданами богатств, от большего или меньшего числа влиятельных и могущественных людей.²⁸ Где выделяется своим богатством и влиянием один человек, образуется монархия. Где выделяется несколько человек — аристократия. Где богатства и дарования распределяются более или менее равномерно — демократия. Власть носит вначале выборный характер²⁹, но с выборами связан ряд затруднений между гражданами начинаются интриги, среди них образуются политические кружки, политические партии ведут между собой ожесточенную борьбу, вспыхивают, наконец, междоусобные войны. Честолюбивые правители пользуются этими обстоятельствами, чтобы закрепить свои должности за своими семьями. А народ, который не способен уже разбить свои окопы, чтобы упрочить свое спокойствие, соглашается увеличить свое рабство. Так правители делаются наследственными. В этом процессе роста и укрепления власти изменяется отношение правителей государства к подданным: правители начинают считать себя собственниками государства, равными богам, а своих сограждан — рабами.

Таким образом, в развитии неравенства (Руссо в данном случае рассматривает развитие неравенства исключительно со стороны политической) можно отметить три ступени: установление законов и права собственности; установление магистратуры; превращение власти, основанной на договоре и действующей согласно законам, в произвол. При заключении общественного договора было бы противно здравому смыслу передать в руки одного лица все те блага, для защиты которых людям нужна была его помощь. Для человека не может быть ничего худшего, говорит Руссо, как видеть себя предоставленным произволу другого. Бесспорной является та истина, что народы поставили над собой правителей для защиты свободы, а не для установления рабства.³⁰ Произвол является искажением общественного договора, но причины этого искажения понятны: договор не искореняет вызвавших его пороков, и они продолжают свою разрушительную работу. Законы менее сильны, чем страсти человека: они не изменяют людей, а только сдерживают их.³¹ В обществе все человеческие способности получают высшее развитие. В обществе растут науки, искусства, торговля, индустрия, но вместе с ними растут и бедствия человеческого рода. Природа заставляет человека дорого расплачиваться за то, что он пренебрег ее наставлениями. «Если бросить взгляд, — говорит Руссо, — на безмерный труд, затраченный людьми, на разработанные ими науки, изобретенные ими искусства, на приведенные в действие силы, засыпанные пропасти, скрытые горы, на сделанные судоходными реки, распаханные земли, осушенные болота, воздвигнутые ими грандиозные здания, — нельзя не быть пораженным несоответствием между всеми этими достижениями и действительным счастьем человека».³² Человек, ранее свободный, теперь зависит от себе подобных даже тогда, когда является их господином: богатые нуждаются в услугах, как бедные нуждаются в помощи.

Прогресс совершенно извратил природу человека. В современном обществе царят алчность, честолюбие, соперничество, борьба интересов, взаимная ненависть — неизбежные последствия господства собственности и спутники неравенства. Вредить ближнему всегда выгоднее, чем быть ему полезным. В людях развивается глубокое равнодушие к добру и злу, наряду с пристрастием к высококонрастным речам все становится деланным и притворным, и честь, и дружба, и добродетель, и даже пороки. «Несмотря на всю нашу философию, гуманность и воспитанность, несмотря на все наши высокие принципы, мы имеем теперь во всем только пустую и обманчивую внешность — честь без добродетели, разум без мудрости и удовольствие без счастья».³³ Поистине безмерен путь, пройденный человеком от естественного состояния до того положения, в каком он находится сейчас. И не приходится удивляться, по мнению Руссо, тому, что европейцы, которые много лет бьются над тем, чтобы приучить дикарей к своему образу жизни, не сумели до сих пор превозмочь неодолимого их отвращения к нашим нравам и к нашему образу жизни. А

²⁷ Ibid., p.150—151, 160—163.

²⁸ Ibid., p.168—169.

²⁹ Ibid., p.163—169.

³⁰ Politique, t.I, p.163—164.

³¹ Ibid., p.167.

³² Ibid, p.195 (notes, 9).

³³ Politique, t.I, p.178—179.

Вячеслав Петрович ВОЛГИН

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ во ФРАНЦИИ в XVIII веке

Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1958

европейцы зачастую с умилением вспоминают о спокойных и невинных днях, проведенных ими среди диких, а иногда даже остаются среди них жить.³⁴

Неравенство достигает таких размеров, что одни умирают от голода, другие — от излишеств. Избыток труда у одних, праздность у других, говорит Руссо, чрезмерное напряжение физических сил бесконечные огорчения и заботы, выпадающие на долю современного человека, — таковы печальные результаты того, что мы отказались от простого, однообразного и уединенного образа жизни, предписанного нам природой. Возникает множество нездоровых, пагубных для жизни ремесел. Неравенство в условиях жизни содействует развитию искусств просто бесполезных и искусств вредных, развитию знаний показных и поверхностных, предрассудков, противных разуму. Чем менее полезно для жизни какое-либо занятие, тем более оно доходно. Поэтому наиболее необходимое — земледелие — в совершенном забросе. С ростом индустрии крестьяне, осужденные у себя в деревне на труд и голод, подавленные налогами, необходимыми для поддержания роскоши, покидают поля, чтобы искать хлеба в городе. В городах скопляется масса полуголодного и голодного люда, живущего в самых невыносимых условиях.³⁵ В обществе, где господствует неравенство, правители поддерживают все, что может ослабить граждан, разделяя их, все, что может посеять семена раздора между ними, все, что может внушить различным классам взаимное недоверие и ненависть, усиливая тем самым свою над всеми ими возвышающуюся власть. Деспотизм все выше поднимает свою уродливую голову, пожирает все, что найдет здорового в государстве, попирает законы и народ. Все поглощается этим чудовищем, у народов нет более ни правителей, ни законов — есть только тираны. Это последний предел неравенства, крайняя точка замыкающая круг и соприкасающаяся с исходной точкой. Все снова равны, но равны в рабстве. Общественный договор теряет свое значение. Все сводится к одному праву — праву сильного. Но расторжение договора деспотом имеет еще одно неизбежное последствие: деспот остается властителем лишь до тех пор, пока он остается более сильным; направленное против него восстание столь же правомерно, как и присвоенная им власть. Одна только сила служила ему опорой, сила его и ниспровергла; все совершается, следовательно, согласно естественному порядку.³⁶

* * *

Характерные для социально-политических учений XVIII века традиционные формулы теории естественного права, как мы видели, не чужды и Руссо. Мы находим у него, как и у всех его современников, и «естественного человека», и «естественное состояние», и «естественные законы». Руссо склонен идеализировать естественного человека, «доброе дикаря». Он высоко ценит «естественный закон»: чем ближе к нему законодательство, тем более обеспечено, по его мнению, общественное благо. Не свободен также Руссо и от господствующего в общественной мысли его времени рационализма. Чисто рационалистически конструирует он естественное состояние, выводя его из принимаемого им понимания основных свойств природы человека. Столь же рационалистически конструирует Руссо свою теорию возникновения государства — теорию общественного договора как ловкой выдумки богатых хитрецов. Но, конечно, не эти общие черты социальной философии XVIII века определяют место Руссо в истории развития науки об обществе. В рассуждениях о происхождении общества и общественного неравенства Руссо выдвигает ряд оригинальных положений, резко выделяющих его среди современных ему буржуазных мыслителей. Именно эти оригинальные положения философии Руссо дают основание считать его родоначальником особого направления общественной мысли, именно они оказали большое и плодотворное влияние на ее дальнейшее развитие.

Пользуясь понятиями естественно-правовой теории, Руссо почти всегда привносит в ее содержание нечто своеобразное, нечто новое. В «Рассуждении о неравенстве» он отводит очень большое место характеристике естественного состояния. Отражая настроение демократических, мелкобуржуазных слоев третьего сословия, Руссо доводит до крайнего предела — можно сказать, до абсурда — индивидуалистическое представление о естественном человеке. Он отделяет первобытных людей друг от друга даже пространственно, лишает их даже тех признаков общности, которые свойственны многим видам животных. Примыкая к наиболее радикальным тенденциям складывающейся буржуазной идеологии, он решительно утверждает положение о присущем людям природы изначально равенстве. Он доказывает, что большая часть так называемых различий между людьми создается в процессе общественного развития. Человечество в естественном состоянии представляет собой, таким образом, в теории Руссо совокупность равных друг другу и совершенно изолированных друг от друга индивидов.

³⁴ Ibid, p.233—234 (notes, 16).

³⁵ Ibid, p.62, 204—205.

³⁶ Politique, t.I, p.171-175.

Это изображение естественного состояния легко подвергнуть критике, и его многие критиковали и с точки зрения его соответствия конкретным этнографическим данным, и с точки зрения его приемлемости как общественного идеала. Однако правильная историческая оценка концепции Руссо невозможна без учета двух весьма существенных его указаний, часто забывавшихся его критиками. Руссо неоднократно подчеркивал гипотетичность своей характеристики естественного состояния, — характеристики, важной для него лишь как отправной пункт его рассуждения о неравенстве, — решительно отвергал, свойственное многим его современникам и последователям толкование естественного состояния как исторического воплощения идеальных норм естественного права. Наоборот, как мы знаем, Руссо со всей определенностью указывал, что наилучшим периодом в жизни человечества был более поздний период его развития — время образования семьи и первых общественных связей.

Идея «естественного права» как нормы, соответствующей абстрактной природе человека и потому всегда обязательной для человека и человеческого общества независимо от исторических условий, в «Рассуждении о неравенстве» отнюдь не стоит в центре внимания автора. Понятие о естественном человеке, свободном от всех его исторических приобретений, явным образом оттесняется у Руссо понятием человека исторического, которому присущи специфические черты создавшей его исторической эпохи. Вместе с тем и принцип естественного права как универсально приложимой системы норм уступает у него место принципу исторической относительности. Природа человека в изображении Руссо меняется до неузнаваемости в процессе развития человеческого рода; то, что прекрасно для одной эпохи, совершенно непригодно для другой. Наконец, учению Руссо, вопреки связывающим его рационалистическим традициям, не чужды известные черты диалектического понимания исторического процесса, — черты, в свое время отмеченные Энгельсом в «Анти-Дюринге».³⁷ Руссо видит, хотя и не вполне ясно понимает, антагонистический характер прогресса — сочетание в нем достижений цивилизации с ростом неравенства, успехов отдельных индивидов с общим упадком человеческого рода. С таких же диалектических позиций рассматривает Руссо отдельные моменты в развитии общества и отдельные общественные учреждения, стремясь во всех случаях выявить присущие общественным явлениям противоречия и показать те результаты, к которым эти противоречия ведут. Руссо очень склонен подмечать несоответствие результатов первоначальным целям, к которым в том или ином случае общество стремится. Примером такого несоответствия является процесс роста власти, создаваемой народами, по словам Руссо, в целях защиты и безопасности, превращающейся с внутренней неизбежностью в силу, угнетающую общество. Иногда несомненная склонность Руссо к внешне диалектическим построениям приводит его к совершенно парадоксальным выводам; таково его утверждение, будто бы крайнее развитие общественного неравенства возвращает людей к равенству, — но к равенству в рабстве.

Во многих случаях Руссо удается гениально прощупать действительные процессы, движущие общественное развитие, удается, вопреки рационалистической форме, показать подлинные внутренние связи общественных явлений. Исключительный интерес представляет суждение Руссо о силах, разрушающих естественное состояние и движущих человека по пути общественного прогресса. Эти суждения позволяют видеть в нем мыслителя, наиболее ярко выразившего в XVIII веке материалистические тенденции, лишь в очень неопределенной форме проявившиеся у таких его современников, как Тюрго или во многом обязанный Руссо Гельвеций. До известного момента, утверждает Руссо, люди не чувствуют на себе гнета борьбы за удовлетворение потребностей, ибо их мало и потребности их ограничены. С размножением человечества обостряющаяся борьба за существование толкает людей на изыскание новых орудий труда, новых приемов производственной деятельности. И каждый шаг на этом пути поднимает человека на новую ступень во всех областях его жизни. Так, переход к рыболовству и охоте создает семью и оседлость, так, возникновение металлургии и земледелия создает общество с частной собственностью на землю, неравенством, с государственной властью. Все элементы общественной жизни представляются Руссо в каждую эпоху связанными в некое единство. Исторический процесс разворачивается в его системе, как процесс единый и закономерный. Общественные формы сменяют одна другую с естественной необходимостью.

* * *

Общий вывод, к которому приходит Руссо в результате своего обзора истории возникновения и развития человеческого общества, глубоко пессимистичен. Человечество переживает те же возрасты, что и отдельный человек: детство, юность, старость. Светлая юность человечества миновала навсегда. Возвратиться назад так же невозможно, как невозможно для старика помолодеть.

³⁷ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр.138-140.

Естественное состояние не может служить идеалом для одряхлевшего цивилизованного человечества. Единственное, к чему надлежит стремиться, это к тому, чтобы разумными мерами задержать разрушительный процесс одряхления, по мере возможности смягчить царящее в обществе зло. Понятно, что Руссо предлагает для разных обществ различные проекты реформ в зависимости от их «возраста», т.е. от большей или меньшей их удаленности от естественного состояния. План социальных реформ для современного ему государства, т.е. для государства, дожившего уже до преклонного возраста, с наибольшей обстоятельностью изложен Руссо в его статье «Economie politique»³⁸, напечатанной в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера.

Мы знаем, что Руссо не признает собственность естественным правом; в историческом процессе ее развитие и укрепление имело, по его мнению, самое пагубное значение. И тем не менее, как практический политик, Руссо объявляет частную собственность незыблемой основой общественного порядка. В некотором отношении она даже важнее свободы: имущество легче узурпировать и поэтому оно требует более тщательной охраны, чем личность.³⁹ Поскольку возвращение к естественному состоянию невозможно, поскольку мы не хотим разрушить само общество, должно охранять собственность, не допуская на нее никаких покушений. Это не значит, что правительство должно относиться безразлично к существующему в обществе крайнему неравенству. Борьба с ним — одна из самых важных задач государства. Но собственность священна, следовательно нельзя отнимать богатств у их владельцев; надо лишь предупреждать чрезмерное накопление богатств у одних и обнищание других. Государство должно заботиться 'не о постройке домов для бедных, а о том, чтобы бедных вовсе не было.⁴⁰

Так теоретически обосновывает Руссо умеренность предлагаемых им реформ. Самая существенная из них — налоговая реформа. Существующую во Франции систему налогов Руссо осуждает как систему, разоряющую страну. Налог, обременяющий крестьянина (*laille*), в конечном счете вреден для всего общества. Если налог высок и пропорционален продукту, то крестьянин перестает обрабатывать землю. Культура земли хороша только там, где крестьянин ничего не платит или платит мало.⁴¹ Лучше всего, если государственные доходы получают со специально предназначенных для этой цели государственных земельных фондов. Но если этих доходов не хватает или нет вовсе, то следует прибегнуть к прогрессивному налогу на имущество, а отнюдь не к налогу на земледелие. Главный довод Руссо в пользу прогрессивного налога заслуживает внимания, так как он имеет самостоятельное значение и сыграл большую роль во время революции. В имуществе, говорит Руссо, надлежит различать две составные части: необходимое и излишек. Необходимое должно быть совершенно свободно от налога. Обложению подлежит только излишек, который в случае острой нужды может быть полностью отобран государством. Не следует также упускать из виду при раскладке того обстоятельства, что отдельные граждане извлекают из общественного союза неодинаковую выгоду. Все преимущества общества достаются богатым. Богатый, даже когда он мошенник, может быть уверен в безнаказанности. Горе невинному бедняку, если его заподозрят в краже у богатого. Наконец, потери бедняка труднее поправить, чем потери богачей: первый пистоль труднее добыть, чем второй миллион.⁴²

Тот же характер налогов на излишек должны носить и все прочие налоги. Очень существенным средством в борьбе с неравенством считает Руссо налоги на предметы роскоши в широком смысле этого слова: на продукты бесполезных и слишком доходных ремесел, на ввоз в города безделушек, на ливреи, экипажи, зрелища, на доходы бездельников-певцов, скоморохов и т.д. Эти налоги должны обуздать жадность богатых, должны помешать росту числа тунеядцев в городах и опустошению деревни. Они должны быть достаточно высоки. Они очень удобны для государства, так как их платят добровольно те, кто хочет роскошествовать. И не следует бояться, что от них пострадает индустрия: она лишь перейдет к производству других, более полезных предметов.⁴³

Руссо отнюдь не сторонник принципа *laissez faire*. Если регламентация торговой и промышленной деятельности, как она практикуется феодально-абсолютистским порядком, по его мнению, нецелесообразна, то государственное вмешательство вообще необходимо. Государство должно давать торговле и промышленности направление, соответствующее потребностям населения, должно следить за правильным распределением в стране съестных припасов, денег и товаров.

³⁸ Oeuvres complètes, t.IX; Politique, t.III, p.278—304. См. также Encyclopedic, t.VII.

³⁹ Politique, t.III, p.293—294.

⁴⁰ Politique, t.III, p.290—291.

⁴¹ p.290-291.

⁴² Ibid., p.300-301.

⁴³ Politique, t.I, p.303—304.

В частности, в противоположность мнению физиократов, Руссо защищает государственное регулирование хлебной торговли и организацию общественных хлебных магазинов для предупреждения голода в неурожайные годы.⁴⁴ Важную составную часть общей системы регламентации торговли Руссо видит в таможенных сборах с ввозимых в страну предметов роскоши и с вывозимых сырых продуктов. Государство должно регулировать в интересах равенства также передачу имущества по наследству. Эта мысль об уравнительных законах с наследованием, впрочем, не развита у Руссо так обстоятельно, как у других сторонников того же направления социальной мысли. Не вдаваясь в подробности, он только защищает право государства известным образом ограничивать граждан в посмертном распоряжении имуществом.

Если прибавить ко всем этим мерам экономического характера горячо защищаемое Руссо общественное воспитание (оно должно приучать детей видеть свои интересы в общем благе), то мы получим почти полную схему тех социальных реформ, которые он считал осуществимыми в государстве, испорченном неравенством подобно современной ему Франции. Руссо и в излагаемой нами статье дает очень резкую характеристику существующего общественного строя. «Отношения богатых и бедных, говорит он, можно резюмировать такой декларацией богатых: вы нуждаетесь во мне, потому что я богат, а вы бедны; согласимся же: я позволю вам иметь честь мне служить на том условии, что вы отдадите мне то небольшое, что у вас осталось, за труд, который я беру на себя, вами командовать».⁴⁵ И все же, несмотря на эту едкую характеристику существующих отношений, практическая программа Руссо — только программа весьма умеренных уравнительных мероприятий.

Конечно, эта умеренная программа далеко не полностью отражает социальный идеал Руссо. Несомненно, гораздо ближе к нему проект конституции, написанный Руссо для Корсики по просьбе обратившихся к нему за советом корсиканцев. Корсика имеет в его глазах большое преимущество перед крупными европейскими государствами. Она значительно моложе, развитие торговли и промышленности еще не успело привить корсиканцам пороки других нации. Неравенство есть уже и там, но оно не достигло больших размеров, с ним поэтому легче бороться и можно в этой борьбе добиться больших успехов. К сожалению, проект корсиканской конституции дошел до нас только в отрывках.⁴⁶

Равенство является в проекте корсиканской конституции основным законом. Однако это не означает полной отмены частной собственности. Институт собственности сохраняется, государство лишь регламентирует ее в интересах общего блага. Характерно для Руссо, что наибольшую опасность для системы равенства он видит в развитии торговли. Торговля способствует сосредоточению богатств в руках отдельных лиц. Поэтому государство должно стремиться установить в стране порядок, возможно более близкий к натуральному хозяйству. Соответственно с этим и государственное хозяйство должно быть поставлено, как хозяйство натуральное. Главный налог должен взиматься в виде натуральных повинностей — барщины и взносов продуктами; в форме продуктов должно выплачиваться и жалованье государственным служащим. Поскольку обмена между отдельными частями страны полностью устранить нельзя, организацию этого обмена следует взять на себя государству. Такая система невозможна в большом, но легко осуществима в маленьком государстве.⁴⁷

Если в государстве нет ни торговли, ни промышленности, единственным источником неравенства может быть лишь чрезмерное скопление в одних руках земли. Для того чтобы этому злу воспрепятствовать, необходимы соответствующие аграрные законы и законы о наследовании. В этом вопросе Руссо и в корсиканском проекте очень осторожен. Аграрный закон не есть для него закон о переделе земли, как понимался этот термин во время революции. Принудительный передел земли нарушал бы уже существующее право. Государство должно установить максимум земельной собственности лишь как принцип, регулирующий передвижение собственности на будущее время. Отказ государства в признании дарений и завещаний в пользу тех, у кого уже есть максимум, послужит преградой для дальнейшего накопления земельных богатств. С другой стороны, разумные законы о наследовании должны содействовать уравниванию богатств уже накопленных. Но чрезмерного дробления земли не следует допускать. Многосемейным гражданам оно грозит обнищанием. Государство должно иметь запасный земельный фонд в своем распоряжении, чтобы выдавать из него в случаях значительного роста семьи дополнительные наделы.⁴⁸

⁴⁴ Ibid., p.296-297.

⁴⁵ Ibid., p.301.

⁴⁶ J.J.Rousseau. Oeuvres inedites, publiees par Strekeisen-Moultou Paris, 1861, p.59-127.

⁴⁷ Oeuvres inedites..., p.100—103.

⁴⁸ Oeuvres inedites .. p.104—118.

В «Рассуждении о неравенстве» Руссо мимоходом высказывает положение, не получающее в этом его произведении дальнейшего развития: все граждане обязаны оказывать государству услуги в соответствии со своим дарованием и своими силами, каждый должен быть возвышаем и отличаем в соответствии с его заслугами. Это положение, предвосхищающее более позднюю формулу сен-симонистов — от каждого по его способностям, каждому по его делам,— Руссо как бы дополняет и оформляет в корсиканской конституции, придавая ему смысл хозяйственного принципа. В принципе, говорит он здесь, все принадлежит государству и каждый гражданин обладает как бы некоторой долей общественного благосостояния в соответствии с выполняемыми им гражданскими обязанностями.⁴⁹

Такова максимальная программа Руссо,— программа, которую он считал возможным провести в жизнь в особо благоприятных условиях, в экономически отсталой стране. Мелкобуржуазный, экономически реакционный смысл этой корсиканской утопии не подлежит сомнению. Руссо мечтает о возврате к натуральному хозяйству, о патриархальной крестьянской демократии, о простоте общественных нравов и учреждений. Но осуществление этого идеала в сколько-нибудь широком масштабе представляется ему невозможным. Насколько он парадоксально смел в своей исторической теории и в своей критике существующего, настолько же он осторожен и робок в своих практических предложениях. К капиталистическому прогрессу, столь дорогому физиократам, он относится резко отрицательно. Это приводит его к признанию необходимости весьма далеко идущего вмешательства государства в распределение собственности и в хозяйственную жизнь вообще. В поисках теоретического обоснования для такого вмешательства он выдвигает иногда положения, чреватые выводами социалистического характера. Таково его положение о верховном праве государства и об условном праве граждан на все находящееся в стране имущество. Тем не менее идея общественного, социалистического производства остается ему совершенно чуждой.

* * *

Политические взгляды Руссо — его сочувствие республиканскому строю и демократии — нашли достаточно яркое выражение уже в его «Рассуждении о неравенстве». Как бы не будучи уверен в том, что он будет правильно понят, Руссо счел нужным предпослать «Рассуждению» изложение основ наиболее совершенного, с его точки зрения, политического порядка в своеобразной форме обращения автора к Женевской республике. Восхваляя женевское государственное устройство как устройство, исполненное «глубокой мудрости», Руссо выделяет в качестве основных две цели политической организации: поддержание общественного порядка и обеспечение счастья граждан. Но для того чтобы общее счастье стало целью всех движений общественного механизма, необходимо, чтобы носитель верховной власти и народ не могли иметь различных интересов, а это возможно лишь тогда, когда носитель верховной власти и народ — одно и то же лицо. «Я хотел бы родиться, — продолжает Руссо свою мысль, — в государстве демократическом... Я хотел бы жить и умереть свободным».⁵⁰ Идеальным государством Руссо считает такое государство, где право издавать законы принадлежит всем гражданам в совокупности; «ибо кто может знать лучше их, при каких условиях следует им вести совместную жизнь в их общине» Народу должно также принадлежать право избирать для отправления правосудия и для управления государством достойнейших из граждан. В благоустроенном обществе все должны располагать этим правом. Не следует забывать, что в демократии все люди равны и по своему воспитанию, и по праву естественному, и по праву происхождения. Существующий в некоторых странах взгляд на рабочих и на простолюдинов, как на людей, менее достойных уважения, Руссо считает ложным и низким взглядом.⁵¹

Свой идеал государственного управления Руссо именуется умеренной демократией. Он считает очень опасным для судеб народа, если, не довольствуясь своим правом издавать законы, он, подобно афинянам, берет в свои руки также исполнение законов. Именно в этом состоял один из основных пороков, погубивших афинскую республику. Управление должно быть вверено специально избранным людям, достоинство которых свидетельствовало бы о мудрости народа. Авторитет магистратов — необходимая гарантия безопасности и свободы граждан. Он так же важен для государства, как авторитет законов. Следует подчеркнуть, что Руссо, в противоположность энциклопедистам, склонен ценить силу и прочность исторических традиций; он высказывает иногда сомнения в пользу резких переворотов даже тогда, когда они направлены против деспотической власти. Древность законов делает их священными и уважаемыми, их частые изменения создают нередко большее зло, чем то, которое они устраняют.⁵²

⁴⁹ Ibid., p.100—118; Oeuvres complètes, t.VII; Politique, t.I, p.238—239 (notes, 19).

⁵⁰ Oeuvres complètes, t.VII; Politique, t.I, p.7—9.

⁵¹ Politique, t.I, p.13—14, 23.

⁵² Politique, t.I, p.13—14.

Эти разрозненные замечания Руссо представляют большой интерес как попытка пропаганды республиканских и демократических идей в невинной форме верноподданнического послания женева гражданина. Но все же это были лишь беглые наброски политических идей, получивших теоретическое обоснование и систематическую разработку лишь в более позднем политическом трактате Руссо — в его «Общественном договоре» (1762).

«Общественный договор» можно, несомненно, признать наиболее ярким и наиболее глубоким выражением радикального — республиканского и демократического течения во французской предреволюционной литературе XVIII века. Характерно, что эта книга, которой суждено было стать политическим евангелием для революционных демократов эпохи революции — якобинцев, сначала привлекла к себе несравненно меньше внимания, чем другие произведения Руссо. До революции «Общественный договор» переиздавался лишь два раза — в 1772 и в 1782 гг. По данным Морне, обследовавшего каталоги частных библиотек дореволюционного времени⁵³, из пятисот библиотек 178 содержали произведения Вольтера, 126 — «Новую Элоизу» Руссо, 78 — «Энциклопедию», 67 — «Рассуждения о неравенстве» и лишь одна — «Общественный договор». В предреволюционное время в публицистике мало ссылок на Руссо, как на политического мыслителя. Для отношения либеральной буржуазии накануне революции к политическим идеям Руссо характерна вышедшая в 1788 г. книга де Сталь «Письма о Руссо». Книга полна похвал Руссо, но как политика де Сталь ценит его невысоко. Сопоставляя Руссо с Монтескье, автор подчеркивает реализм Монтескье и «умозрительность» Руссо. Она отдает предпочтение первому, ибо несовершенная, но возможная система полезнее безупречного плана, построенного в воображении и не считающегося с реальными отношениями.

Руссо отнюдь не был склонен подчеркивать противоположность своей политической теории теориям Монтескье или энциклопедистов. Он высоко ценил «Дух законов». В «Общественном договоре» мы находим ряд сочувственных ссылок на Монтескье, еще больше положений, несомненно взятых у Монтескье, хотя его имя при этом и не упоминается. Руссо считает, что он поставил и решил задачу, которую мог бы поставить, но не поставил Монтескье. Монтескье изучал положительное право установленных правительств, свою цель Руссо видит в исследовании принципов правительства. «Общественный договор» отличается, таким образом, от «Духа законов» по своей теме. Но ни сам Руссо, ни его современники, дореволюционные публицисты, отнюдь не считали, что «Дух законов» и «Общественный договор» выражают две резко различные между собой политические установки. Вплоть до 80-х годов XVIII века политический радикализм не выделяется четко в общем потоке буржуазной оппозиционной литературы. Революционно-демократические тенденции переплетаются у отдельных авторов с тенденциями умеренно конституционными, как тенденции конституционные переплетаются с концепцией просвещенного абсолютизма. Полное размежевание революционно-демократического и либерально-буржуазного направлений происходит только в процессе революции.

В течение первого периода революции французская буржуазия делала ряд попыток разрешения стоящих перед ней исторических задач на путях компромисса. «Общественный договор» был мало пригоден для обоснования этой политики. В «Декларации прав» 1789 г. (ст.2) и в Конституции 1791 г. мы находим, конечно, принцип народного суверенитета, но без республиканских и демократических выводов. Мы находим также понимание закона как выражения общей воли. Но мы знаем, что в общей форме эти принципы признавали и энциклопедисты. В написанных по предложению французской Академии похвальных словах Руссо его политические идеи либо вовсе игнорируются, либо признаются противоречивыми и непрактичными. В 1791 г. Мерсье, горячий поклонник Руссо, отмечает, что «Общественный договор» читали меньше других книг Руссо, но теперь над ним начинают размышлять.⁵⁴ Однако задачи буржуазной революции могли быть разрешены во Франции лишь путем радикальной ломки всех старых форм. Попытки компромисса с монархией были обречены на неудачу. После того как поднимающаяся все выше революционная волна смела сторонников компромисса, после того как теории компромисса были дискредитированы ходом революционных событий, «Общественный договор» Руссо, естественно, должен был стать и действительно стал теоретическим знаменем революции, получил значение основного документа республиканской политической философии. «Великие истины, развитые в «Общественном договоре», как ни очевидны, как ни просты представляются они нам сейчас, — говорил Лаканаль при перенесении праха Руссо в Пантеон, — произвели в свое время мало впечатления. Их недостаточно поняли, чтобы ими воспользоваться или их бояться. В известном смысле революция объяснила нам «Общественный договор»».⁵⁵

⁵³ D.Mornet. Les enseignements des bibliotheques privees (1750—1780). «Revue d'histoire litteraire», XVII, jull — sept., 1910.

⁵⁴ D.Williams. The influence of Rousseau on the political opinion 1760...1795. «English historical review», № 191. Jul.1933.

⁵⁵ Oeuvres completes de J.J.Rousseau. t.VIII; Politique, t.II, p.7.

Теоретические основы политических воззрений якобинцев формировались под преимущественным влиянием «Общественного договора». В этом смысле революционная роль «Общественного договора» несомненна. Но историк должен отметить не только большое влияние «Общественного договора» в период высшего подъема буржуазной революции. Он должен также отметить историческое значение самого факта появления этого произведения в начале 60-х годов. Оно было, несомненно, симптомом тех сдвигов, которые произошли к этому времени в политических настроениях третьего сословия, симптомом пробуждения к политической жизни новых, более демократических пластов французского непривилегированного общества.

В «Общественном договоре» почти совершенно отсутствуют черты исторического реализма. В этом отношении «Общественный договор» значительно отличается от «Происхождения неравенства». Это — абстрактное, строго рационалистическое рассуждение; исторические примеры имеют в нем характер иллюстративный. По своему методу «Общественный договор» ближе к традициям естественного права, столь мало заметным в «Рассуждении о неравенстве». Последний из предшествовавших «Общественному договору» естественно-правовых трактатов — «Принципы политического права» женевого ученого Бюрламаки (1751) — был, несомненно, хорошо известен Руссо и оказал на формирование его политических идей непосредственное влияние.

Ставя перед собой задачу выяснения и исследования принципов политического права, Руссо понимает под этим отнюдь не исследование закономерностей исторической действительности, определяющей конкретные, исторически существующие формы права. Принципы политического права — это принципы «законного и надежного правления». Иными словами, Руссо интересуется не то, что есть, а то, что должно быть. Система «Общественного договора» — не обобщение существующего, не философия истории, а идеал, облеченный в одежды естественно-правовой теории. Противоречие между этим политическим идеалом и политической действительностью Руссо прекрасно понимает. Мы видели, как резко характеризует он существующие общественные отношения в «Происхождении неравенства». В «Общественном договоре» Руссо более сдержан, но по существу его отношение к политической действительности, несмотря на все смягчающие оговорки, остается тем же. «Человек рожден свободным, а он всюду в оковах», — с этого положения начинается Руссо первую книгу своего исследования. Заканчивает он эту книгу противопоставлением общественного договора фактическим законам неравенства.⁵⁶

Общественный строй не есть нечто, данное человеку природой, утверждает Руссо. Если это так, если нормы общественного порядка не могут быть выведены непосредственно из природы, то возникает вопрос, что же лежит в их основе. Ни один человек не имеет естественной власти над себе подобным. Свобода — следствие природы человека, она должна сохранять силу и в общественных условиях. Власть не может поэтому основываться на так называемом праве сильнейшего. Самый термин «право сильнейшего» страдает внутренним противоречием. Сила — это физическая мощь, и из ее проявлений не может быть выведено никакого права. Силе приходится повиноваться, но когда нас заставляют повиноваться силой, незачем уже прибавлять к этой силе слово «право»; оно в этом случае ничего не означает. Когда разбойник нападает на нас в лесу и отбирает кошелек, — пистолет, который он держит, есть власть. Мы повинемся ему, но не потому, что обязаны повиноваться. Мы обязаны повиноваться только законной власти. Так как основанием законной власти не может быть ни природа, ни сила, то остается прийти к заключению, что таким основанием является соглашение, договор.⁵⁷ Народ становится народом в результате договора, только этот акт создает общество. Одно лицо может подчинить себе множество других лиц и господствовать над ними. Это будет скопление людей, в котором можно различить господина и рабов. Но такое скопление людей нельзя считать ни народом, ни ассоциацией, ни политическим телом.⁵⁸

Общественный договор — необходимое условие законной власти, необходимая предпосылка нормальной политической системы. Но в то же время для Руссо, как мы видели, заключение договора есть определенный момент исторического развития, момент, отмечающий — переход из естественного состояния в состояние гражданское. Эта теория договорного происхождения гражданского общества в «Происхождении неравенства» стоит в центре внимания автора. В «Общественном договоре» она занимает подчиненное положение, понятие договора как политической нормы оттесняет на второй план понятие договора как исторической гипотезы. В связи с этим изменением основного интереса Руссо происходит — однако, любопытное изменение в исторической оценке договора. В «Происхождении неравенства» договор является результатом обмана, актом, закрепляющим неравенство, дающим новую силу богатым, подчиняющим человеческий род труду, рабству и нищете.

⁵⁶ *Politique*, t. II, p. 44.

⁵⁷ *Ibid.* p. 14—15.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 25.

Такую характеристику договора было трудно согласовать с системой, в которой договор кладется в основу всех политических норм. Не удивительно, что Руссо подчеркивает в своем политическом трактате другие стороны первоначального договора, дает ему иное освещение. В связи с этим иное освещение получает и переход от естественного состояния к общественному.

В естественном состоянии человек противопоставляет враждебной ему среде только свои индивидуальные силы. Но наступает момент, когда этих индивидуальных сил оказывается уже недостаточно для преодоления препятствий, вредящих существованию людей. Тогда естественное состояние не может уже более сохраняться: «...род человеческий погиб бы, если бы не изменил образа своего существования». Люди оказываются вынужденными соединить свои силы, образовать сумму сил, которая могла бы, повинаясь единогласному двигателю, обеспечить жизнь человечества.⁵⁹ Это соединение сил и достигается путем общественного договора. Таким образом, переход в гражданское состояние спасает человеческий род от гибели. Но это еще не все, что может оказать Руссо в защиту договора и гражданского состояния. Договор производит в человеке замечательные превращения. Его поступки приобретают впервые нравственный характер. Справедливость заменяет место инстинкта, голос долга — место физического импульса, право — место вождения. Человек теряет естественную свободу и безграничное право на все, что его прельщает; он выигрывает гражданскую свободу и право собственности на все, чем он владеет. Наконец, человек получает моральную свободу: ибо подчиняться своим вождениям есть рабство; повиноваться закону, предписанному себе самому, есть свобода. Человек должен был бы без конца благословлять тот счастливый момент, когда он вышел из естественного состояния, когда он из тупого и ограниченного животного превратился в разумное существо и человека.⁶⁰ Эта реабилитация гражданского состояния не превращает, конечно, Руссо в апологета существующих общественных отношений. Он по-прежнему признает, что человек в гражданском состоянии зачастую бывает низведен ниже того положения, из которого он вышел (т.е. ниже положения человека в естественном состоянии). Но в новой теории Руссо, в отличие от старой, факты этого рода относятся целиком за счет злоупотреблений гражданского состояния, но не его существа.

Задача, которую должен разрешить общественный договор, дана у Руссо как задача, вытекающая из некоторых гипотетических потребностей определенного исторического момента. Но его условия формулированы так, что в них уже содержатся основные положения нормального, с точки зрения Руссо, политического порядка: «...найти форму ассоциации, которая всеми общими силами охраняет и защищает личность и имущество каждого своего члена и в которой каждый, соединяясь со всеми, повинуетя все-таки только себе самому и остается таким же свободным, как раньше».⁶¹ Этими положениями определяются природа и содержание общественного договора. Хотя они и не выражены нигде формально, они, утверждает Руссо, всегда молчаливо признаются. С их нарушением каждый вновь вступает в свои первоначальные права, возвращает себе свою естественную свободу. Сущность общественного договора сводится к следующему: «...каждый из нас отдает свою личность в общее владение и всю свою силу подчиняет верховному распоряжению общей воли; мы получаем организм, каждый член которого составляет неразрывную часть целого».⁶² Каждое лицо отчуждается в пользу общины целиком со всеми своими правами. Но, отдавая себя целиком всем, человек не отдает себя никому. Эквивалент того, что личность теряет, уступая общине господство над собой, она получает как член общины в виде права общины господствовать над всеми другими. В результате рождается моральный и коллективный организм, имеющий свое «я», свою жизнь и волю. Это и есть гражданская община, или республика. Верховная власть не есть нечто отличное от гражданской общины; это та же община в активном состоянии.⁶³

Верховная власть по существу своему неограниченна. Никакое решение не может обязать ее по отношению к ней же, ибо она тождественна с народным организмом. Не может быть никакого основного закона, связывающего народный организм. Народ вправе отменить даже общественный договор. Но, конечно, нарушение акта, составляющего его основу, т.е. общественного договора, уничтожает и самый народный организм. С другой стороны, нет никакой нужды в гарантиях, защищающих подданных от верховной власти. Невозможно, чтобы политическое тело пожелало вредить своим членам. Наоборот, необходимы гарантии, обеспечивающие выполнение подданными их обязательств по отношению к верховной власти, так как у индивида есть частные интересы, которые могут не совпадать с интересами общими.

Вячеслав Петрович ВОЛГИН

⁵⁹ Politique, t.II. p.27. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ во ФРАНЦИИ в XVIII веке

⁶⁰ Ibid., p.37-38.

⁶¹ Politique, t.II, p.28.

⁶² Ibid., p.29—30.

⁶³ Ibid, p.31. *Vive Liberta и Век Просвещения, 2009*

Поэтому общественный договор молчаливо предусматривает, что верховная власть принуждает подчиниться общей воле гражданина, который отказывается ей повиноваться. «Это означает, — говорит Руссо, — лишь то, что его заставят быть свободным».⁶⁴ «Общественный договор дает политическому телу неограниченную власть над всеми его членами». Эта власть распространяется и на самую жизнь гражданина. Жизнь в гражданском состоянии не есть уже простой дар природы, она — условный дар государства. Целью общественного договора является сохранение жизни договаривающихся. Но если вы хотите сохранить свою жизнь при помощи других, то вы должны быть готовы также и отдать ее за других, когда это понадобится. Если гражданину говорят: для государства необходимо, чтобы ты умер, — он должен умереть. Возможность смертной казни преступников имеет в основе аналогичное рассуждение. Чтобы не стать самим жертвой убийцы, люди при заключении общественного договора соглашаются умереть, если станут убийцами. Кроме того, человек, совершив преступление, тем самым нарушил общественный договор, он перестал быть членом общины, как бы объявив ей войну, в таком случае «сохранение государства несовместимо с сохранением его жизни».⁶⁵

Отдавая себя целиком общине, индивид тем самым отдает ей и принадлежащее ему имущество. В противоположность теории энциклопедистов, Руссо утверждает, что в силу общественного договора государство является хозяином всего имущества всех своих членов. Но, принимая имущество частных лиц, государство не отнимает его у них, а обеспечивает за ними законное владение... Только государство превращает захват в право, а пользование — в собственность. Право собственности — создание государства; и оно всегда подчинено верховному праву на все земли, которое остается за общиной. Руссо заканчивает этот ряд рассуждений о собственности выводом, еще раз свидетельствующим об его отказе от позиции, которую он занимал в отношении гражданского состояния в «Происхождении неравенства». «Основной договор, — утверждает Руссо, — отнюдь не разрушает естественного равенства. Наоборот, он замещает физическое неравенство природы моральным и законным равенством. Если люди могут быть не равны по силе и по уму, то они становятся равными по договору и праву».⁶⁶

Целью государства является общее благо; направлять государство может поэтому только общая воля, которая никогда не может быть отчуждаема. Верховный властелин, являющийся коллективным существом, может быть представлен только самим собою, он никому не может передоверить свою волю. Всякое передоверие означало бы замену общей воли частной. А частная воля не может в течение длительного периода совпадать с общей, так как она неизбежно стремится к преимуществам, тогда как общая воля стремится к равенству. Народ, передающий свою волю кому-либо, обещающий кому-либо слепо повиноваться, уничтожает себя как народ. «Как только появляется повелитель, нет больше верховного властелина, и тем самым политический организм разрушен».⁶⁷

Отрицание возможности передоверия воли верховного властелина — народа приводит Руссо к отрицанию идеи народного представительства. В нормальном государстве граждане всегда отдают предпочтение общественным делам перед частными; каждый гражданин «летит» на собрание. Упадок интереса к общественным делам есть симптом охлаждения патриотизма, роста влияния частных интересов, роста богатств, — вообще разложения государства. Тогда-то и изобретается народное представительство, национальные собрания депутатов. Граждане утрачивают сознание гражданского долга. Вместо того чтобы идти на войну, они нанимают солдат, вместо того чтобы самим законодательствовать, они выбирают депутатов; солдат — чтобы поработить отечество, депутатов — чтобы его продать. Закон, утвержденный представителями и не утвержденный народом, — не закон. «Английский народ считает себя свободным и очень ошибается; он свободен только во время выборов членов парламента; как только они избраны, он — раб, он — ничто».⁶⁸

Воля суверена или общая воля может быть выражена, таким образом, только при помощи непосредственного решения всей совокупности граждан. «Общая воля, — говорит Руссо, — всегда права и всегда стремится к общественной пользе», но из этого отнюдь не следует, что каждое решение народа всегда правильно. Люди не всегда понимают, в чем состоит их благо, и их можно иногда обмануть. Наличие в сумме частных интересов — интересов ложных или являющихся результатом обмана, препятствует, таким образом, правильной кристаллизации общей воли.

⁶⁴ *Politique*, t.II, p.33—35.

⁶⁵ *Ibid*, p.61—63. *Ibid*, p.45—47. Это положение Руссо привлекло к себе внимание Маркса, цитируя соответственные строки из «О.Д.», он делает в своих записях пометку: «*Merkwürdige Note*» (Записи Маркса в Архиве ИМЛ).

⁶⁶ *Politique*, t.II, p.38—44.

⁶⁷ *Ibid*, p.174—177.

⁶⁸ *Politique*, t.II, p.61—62.

Общая воля не есть простая сумма частных желаний, не есть воля всех. Воля всех отражает частные интересы. Для пояснения того, как из воли всех получается общая воля, отражающая общий интерес, Руссо прибегает к математическому сравнению. Отнимите, говорит он, от суммы частных желаний плюсы и минусы, которые взаимно уничтожаются, и в сумме разностей получается общая воля. Так происходит этот мистический процесс элиминации частных интересов, почему в конце концов из большого числа различий получается общая воля — остается неясным. На практике для выявления общей воли Руссо предлагает простой и общераспространенный способ решения вопросов путем голосования. Единогласие необходимо, по его мнению, лишь в одном случае — при заключении общественного договора. Для решения всех остальных вопросов достаточно простого большинства. Однако, по мнению Руссо, в здоровом народном организме, где всеобщая воля преобладает над частными интересами, в собраниях царит согласие и единодушие. Долгие споры и разногласия свидетельствуют об упадке государства, о росте частных интересов. Наконец, когда граждане превращаются в рабов, народ перестает обсуждать, он лишь обожает или проклинает — вновь устанавливается единогласие.⁷⁰

Для того чтобы из соединения частных стремлений получилась действительно общая воля, необходимо, чтобы каждый гражданин входил в эту сумму со своими желаниями как отдельный индивид. Лучше всего, чтобы граждане перед вынесением решения не имели между собой никакого общения. Объединения граждан, стоящие между сувереном и индивидами, вредны. При наличии союзов между гражданами множество мелких индивидуальных различий заменяется небольшим числом более крупных различий. Их сложение, по мнению Руссо, не приводит к взаимному уничтожению, и получается менее всеобщий результат. Так, в своем гипертрофированном индивидуализме Руссо приходит к принципиальному отрицанию системы политических партий⁷¹, сходясь в этом с физиократами. С точки зрения Руссо, это, несомненно, вполне последовательно. Для него борьба «частных интересов» не есть сила, определяющая «общую волю», это — препятствие, которое должно быть устранено, чтобы «общая воля» получила свою реализацию. Следовательно, политические партии, объединяющие частные интересы, не содействуют, а противодействуют выявлению общей воли. Само собой разумеется, что в основе всего этого рассуждения лежит совершенно утопическое представление о политической жизни. В этой утопии подлинное содержание политической жизни классового общества — борьба интересов — путем некоторой математической манипуляции приводится к нулю; его место занимает абстрактная общая воля, объединяющая всех, каково бы ни было различие их реальных стремлений.

Общая воля всегда стремится к общему благу. Всякое законодательство должно вести к этой цели. Общее благо выражается в первую очередь в двух вещах — в свободе и в равенстве. Свобода и равенство должны быть, следовательно, руководящими принципами хорошего законодательства.⁷² Однако из этого не следует, что законодательство должно быть одинаковым для разных стран. Наоборот, оно должно приспособляться к местному положению и к характеру обитателей каждой страны. Законодательная система неизбежно содержит ряд правил, общих для всех, но наряду с этим в ней должны быть особенности, делающие ее пригодной именно для данного народа. Следуя в этом вопросе за Монтескье, Руссо указывает в виде примера, что для еврейского и арабского законодательства специфической является забота о религии, для карфагенского — о торговле, для спартанского — о войне, для римского — о добродетели.⁷³

Таковы основные требования, предъявляемые к хорошему законодательству. Но Руссо не считает, что хорошее законодательство возможно в любой стране, при любых условиях. Он принимает теорию климата Монтескье, понимая под климатом природные условия вообще. Развивая мысль о влиянии климата, Руссо дает ей своеобразную и интересную экономико-материалистическую интерпретацию. Гражданская община как коллективный организм потребляет, но ничего сама не производит. Она получает все потребляемое ею посредством труда своих членов. Следовательно, для того чтобы она существовала, этот труд должен давать больше того, что необходимо для самих трудящихся. Государство существует на излишек производимого гражданами; а этот излишек различен в разных странах и зависит от природных условий.⁷⁴ Там, где продукты земли не оправдывают затраченного труда, могут жить только дикари. Где труд дает лишь необходимое, могут жить варвары, но гражданский порядок там невозможен. Таким образом, самое существование общества, основанного на общественном договоре, мыслимо лишь при наличии определенных экономических предпосылок.

⁷⁰ Ibid., p.196—197.

⁷¹ Ibid., p.52—53.

⁷² Politique, t.II, p.95.

⁷³ Ibid., p.98.

⁷⁴ Ibid., p.144—145.

Помимо условий географических, возможности законодательства ограничены также условиями историческими. Рассуждение об исторических условиях — одно из немногих мест в «Общественном договоре», где сквозь толщу рационалистических рассуждений пробивается струя исторической диалектики, столь сильной в других произведениях Руссо. Каждое общество, говорит Руссо, переживает жизненные периоды, аналогичные возрастам индивида, — мы знаем уже эту теорию по «Происхождению неравенства». Политический организм начинает умирать со дня своего рождения и в себе самом носит причины своего разрушения. Этот процесс неизбежен. Наилучше устроенная конституция может лишь продлить жизнь государства, но не может спасти его от смерти. На различных ступенях своего развития народ не одинаково способен к усвоению хороших законов. Наиболее восприимчивы народы в своей молодости. Чем ближе к старости, тем более они неисправимы. Изменять установившиеся обычаи и укоренившиеся предрассудки — бесполезное и опасное дело.⁷⁵

К этому ряду пессимистических мыслей Руссо возвращается неоднократно. Тем более интересно, что в «Общественном договоре» он делает попытку найти и для старых народов выход к «хорошему» законодательству. Этот выход он открывает в революции. Уже в «Происхождении неравенства» Руссо оправдывает революцию как законный способ борьбы против деспотизма, нарушившего общественный договор: с нарушением договора люди получают вновь свою естественную свободу.⁷⁶ В «Общественном договоре» он оценивает революцию не с точки зрения причин, ее вызывающих, а с точки зрения ее возможных результатов и приходит к положительному выводу. Революции производят на народы такое же действие, как кризисы, связанные с болезнью, на отдельных лиц. Государство, охваченное гражданскими войнами, как бы возрождается и, вырвавшись из объятий смерти, вновь приобретает силу молодости. В такие моменты государство, забыв о предрассудках, может усвоить хорошие законы. В качестве примеров Руссо указывает не только на Спарту времен Ликурга или Рим времен Тарквиниев, но и на более достоверные и близкие по времени перевороты в Голландии и Швеции.⁷⁷ Историческое оправдание революции в «Общественном договоре», несомненно, сыграло свою роль в революционном воспитании радикальной части французской буржуазии.

Руссо считает верховную власть неделимой. Она принадлежит суверену — народу и может принадлежать только ему. С этой точки зрения он критикует теорию разделения власти Монтескье. Но это отнюдь не значит, что он объединяет законодательную власть с исполнительной. У него понятие верховной власти целиком отождествляется с понятием законодательной власти. Верховная власть или общая воля принимает решения, имеющие всеобщее значение. Именно такие решения называются законами. Но политическое тело должно обладать как волей, так и силой. Последняя есть власть исполнительная. Ее действия не имеют всеобщего значения, они состоят из отдельных актов, которые не входят в компетенцию верховной власти. Агент общественной силы, приводящий ее в действие согласно решениям общественной воли, — такова исполнительная власть. Ее нельзя смешивать с верховным властелином, по отношению к которому она является простым исполнителем. Отправление исполнительной власти называется правительством; человек или орган, на который она возложена, называется государем или магистратом. Акт, которым учреждается правительство, не есть договор между народом и государем. В этом вопросе Руссо резко расходится с энциклопедистами. Немыслим договор, в котором одна сторона обязуется повелевать, а другая повиноваться. Есть лишь один договор — договор, образующий гражданскую общину. Всякий договор, который ограничивал бы верховную власть народа, уничтожил бы основной общественный договор. Носители исполнительной власти не начальники народа, а его чиновники; он может назначать и сменять их, когда ему угодно; их функции основываются не на договоре, а на повиновении долгу, возложенному на них государством.⁷⁸

Формы правления для Руссо — лишь формы организации исполнительной власти. Верховная власть остается за народом при любой форме правления. Но народ может вручить исполнительную власть большей части народа, или небольшому числу людей, или одному человеку. В первом случае мы имеем демократию, во втором — аристократию, в третьем — монархию. Руссо утверждает, что каждая из этих форм может быть наилучшей при одних условиях и наихудшей при других. Для государства при данных отношениях может быть хорошей только одна форма правления, но при изменении этих отношений изменяется и наилучшая для этого государства форма правления. Народ вправе всегда отменить существующую форму правления и учредить новую.⁷⁹

⁷⁵ *Politique*, t.II, p.80—81, 164—165.

⁷⁶ *Oeuvres complètes*, t.VII; *Politique*, t.I, p.173—175.

⁷⁷ *Oeuvres complètes*, t.VIII; *Politique*, t.II, p.81.

⁷⁸ *Politique*, t.II, p.103—105.

⁷⁹ *Ibid.*, p.105, 107, 109, 121.

К числу условий, определяющих форму правления, Руссо, — следуя трафарету, освященному Монтескье, — относит климат, размеры государства, плотность его населения. Так, в странах с богатой плодородной почвой наиболее целесообразна монархия, в странах со средним избытком — свободный строй. Демократия подходит для небольших государств, аристократия — для средних, монархия — для больших. Следует, однако, отметить, что Руссо, как и Монтескье, знает способ соединения могущества большого государства с гражданским строем небольшого — эту проблему разрешает федеративная система.⁸⁰

Рассуждения о связи форм правления с размерами, природой и численностью населения той или иной страны встречаются у очень многих мыслителей XVIII века. У многих из них находим мы также утверждение об относительных преимуществах демократии, аристократии и монархии, — в зависимости от указанных выше условий. В «Общественном договоре» эти положения представляются чем-то чужеродным, чем-то органически не связанным с основными принципами политической философии Руссо. Во всяком случае выводы, которые делает Руссо из своего анализа достоинств и недостатков различных форм правления, весьма в малой степени учитывают теорию их географической обусловленности.

Отказываясь от абсолютной оценки форм правления, Руссо тем не менее не скрывает своих собственных политических симпатий.

Демократию, как организацию исполнительной власти, Руссо считает практически невозможной. Она «никогда не существовала и никогда не будет существовать». Народ создает законы; нецелесообразно, чтобы он же их и исполнял. Нельзя себе представить, что народ все время собран для отправления функций исполнительной власти. К тому же занятие правительственными делами может отвлечь внимание народа как законодателя от общих целей. Демократический способ правления пригоден не для людей, а для богов.⁸¹

Монархия — самая мощная форма правления. В ней все пружины государственного механизма сосредоточены в одной руке. Но зато ни при какой другой форме частная воля не обладает такой большой силой. Частная воля может легко все себе подчинить и направить силу администрации во вред государству. Монархи никогда не довольствуются той властью, которую дает им любовь народа. Они всегда отдают предпочтение принципу, который приносит им непосредственную пользу. Поэтому они стремятся не к тому, чтобы народ был цветущим и грозным, а к тому, чтобы он был слаб и беден, чтобы он не мог им противостоять. Главный недостаток монархии состоит в том, что при ней возвышаются обычно плуты, проныры и интриганы, которые, достигнув своими происками высоких должностей, сразу же обнаруживают перед обществом свою глупость. Народ при выборе ошибается гораздо реже, чем монарх, и обычно выбирает просвещенных и умных людей. «Человек с настоящими достоинствами почти так же редок в министерстве, как дурак во главе республиканского правительства».⁸² При выборной монархии в управлении нет последовательности, а выборы сопровождаются опасными смутами. При монархии наследственной всегда есть риск, что во главе правления окажутся дети, изверги или идиоты. Обычно сторонники монархии исходят из предположения, что монарх именно таков, каким он должен быть. Но это значит сознательно обманывать себя. «Чтобы узнать, что представляет собой эта форма правления, ее надо рассмотреть, имея в виду ограниченных и дурных государей, так как такими они вступают на престол или такими их делает престол».⁸³

Наряду с суждениями, подобными вышеприведенным, у Руссо можно найти ряд смягчающих оговорок. Тем не менее его отрицательное отношение к монархии совершенно бесспорно. Во всяком случае для развития политической мысли предреволюционной Франции резко отрицательные оценки Руссо имели несравненно большее значение, чем его почтительные и явно неискренние заявления, приравнивающие приказания монархов общей воле на том весьма сомнительном основании, что «всеобщее молчание необходимо предполагает народное согласие».⁸⁴ Положения подобного рода должны были восприниматься как своеобразная защитная маскировка, искусно прикрывающая подлинные тенденции автора. А эти тенденции были, несомненно, республиканскими.

Наилучшей формой правления Руссо считает ту, при которой должностные лица избираются народом. Общественное уважение создается честностью, просвещением, опытом. Поэтому народное избрание гарантирует мудрость правительства. А управление мудрых есть, несомненно, наилучшее и наиболее естественное управление.

⁸⁰ *Politique*, t.II, 180.

⁸¹ *Ibid.*, p.125.

⁸² *Politique*, t.II, p.135.

⁸³ *Ibid.*, p.141.

⁸⁴ *Ibid.*, p.47.

Такое управление Руссо называет выборной аристократией. Он знает, конечно, и другие виды аристократии: патриархальную и наследственную. Патриархальная, или власть старейших, годится только для первобытных народов; наследственная, при которой власть переходит от одного к другому в пределах богатых, патрицианских фамилий,— наихудшая форма правления. Выборная аристократия есть аристократия в настоящем смысле слова, т.е. правление лучших.⁸⁵

Правительство, даже избранное народом, осуществляет исполнительную власть в пределах существующих законов. Правительство получает свое существование от верховного властелина — народа. Господствующей волей правительства как органа подчиненного должна быть всеобщая воля, т.е. закон. Когда правительство управляет государством не по законам, оно захватывает верховную власть. А захват правительством верховной власти есть нарушение общественного договора и разрушение государства. В подобных случаях граждане возвращаются к своей естественной свободе. Они могут быть вынуждены повиноваться; но они уже не обязаны повиноваться. Правительства имеют как бы естественную тенденцию к узурпации. Под предлогом охраны общественного спокойствия им очень легко расширить свои права и страхом наказаний заставить народ молчать, чтобы затем истолковать это молчание в пользу своей узурпации. Так опровергает Руссо свое собственное заявление о «всеобщем молчании» как своеобразном изъятии общей воли.

Чтобы противодействовать опасности захвата верховной власти правителями, Руссо рекомендует установить законом определенные сроки для особых периодических народных собраний, — сроки, которые никто не мог бы отменить и отложить. Во время деятельности народных собраний исполнительная власть вообще прекращает свое существование: где есть представляемый, т.е. народ, там нет представителя, т.е. правительства. Указанные периодические собрания имеют по отношению к форме правления учредительные функции. На каждом таком собрании должны быть прежде всего поставлены два вопроса: угодно ли верховному властителю сохранить существующую форму правления? Угодно ли народу оставить заведование ею в руках тех, на кого оно возложено в данное время?⁸⁶

Таким образом, Руссо стремится поставить исполнительную власть в условия, которые затруднили бы для нее вторжение в сферу компетенции народа-законодателя. Тем не менее он признает, что бывают исторические моменты, когда исполнительной власти могут быть предоставлены полномочия управлять, не считаясь с законами, и приостанавливать на время деятельность верховной власти народа. В эпоху кризисов, рассуждает Руссо, когда дело идет о спасении отечества, недостаточная гибкость законов может явиться причиной гибели государства. В таких случаях строгое соблюдение всех форм, требующих слишком большого времени, было бы недопустимо. Если опасность так велика, что законы служат препятствием для спасения от этой опасности, то необходимо избрание достойного лица, которое заставляет смолкнуть все законы. Первое желание народа — предотвратить гибель государства. Поэтому чрезвычайные права такого диктатора не стоят в противоречии со всеобщей волей. Диктатура должна, однако, устанавливаться на определенный, по возможности короткий, срок. Если диктатура остается в силе после того, как вызвавшая ее опасность миновала, она становится бесполезной и возникает новая опасность — превращение ее в тиранию.⁸⁷

Идеальное государство Руссо имеет свою санкцию в свободном разумном соглашении индивидов, движимых общим интересом. Основы этого государства, казалось бы, не нуждаются в санкции религиозной. Все частные интересы при образовании общей воли взаимно уничтожаются, всеобщая воля естественно складывается из воли индивидуальных без вмешательства внешних сил. Построение Руссо не предполагает необходимости иных мотивов у индивида, кроме мотивов рациональных. Однако убеждение в их достаточности для преодоления частных интересов, очевидно, не было у Руссо совершенно незыблемым. Во всяком случае в заключительной главе «Общественного договора» он считает необходимым для прочности государства ввести дополнительно мотивы — мотивы религиозные. Законы сверх той силы, которая возникает из них самих, должны иметь еще и другую силу. Эту силу и дает им религия. Руссо опровергает Бейля, доказывавшего, что религия бесполезна для государственного организма. Наоборот, нет, по его мнению, ни одного государства, основой которого не служила бы религия. «Государство чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы каждый гражданин исповедовал религию, которая заставляет его любить свой долг».⁸⁸ Христианство не может быть такой религией. Для конституционного государства христианство скорее вредно.

⁸⁵ *Politique*, t.II, p.127.

⁸⁶ *Ibid.*, p.189.

⁸⁷ P- 230-231, 235.

⁸⁸ *Ibid.*, p.248, 257.

Римское христианство, т.е. католицизм, дает людям два закона, возлагает на них противоречивые обязанности по отношению к светской и духовной власти, нарушает единство общества. Чистое христианство евангелия также непригодно для общественной жизни. «Общество настоящих христиан не было бы обществом людей». Родина христианина не от мира сего; ему свойственно безразличие к делам мира. Он благословляет карающего господя, когда его государство разрушается. «Христианская республика» невозможна. Настоящие христиане созданы для рабства. Дух христианства благоприятствует тирании, и она всегда им пользуется.⁸⁹

Для государства догмы религии представляют интерес лишь постольку, поскольку они имеют отношение к морали и обязанностям граждан. Другой мир не подлежит компетенции верховной власти, ее не касается судьба ее подданных в будущей жизни. Но догмы, от которых зависит общественное поведение, без которых нельзя быть хорошим гражданином, должны устанавливаться верховной властью. Их совокупность составляет «гражданскую религию». Эти догмы очень просты: существование всемогущего, разумного, благодетельного и заботливого божества, будущая жизнь, блаженство праведных, наказание злых, святость общественного договора и законов. Во всем остальном каждый может держаться какого угодно мнения. Но того, кто не верит в положения гражданской религии, государство вправе изгнать — не как неверующего, но как антиобщественного человека. Того же, кто публично заявляет, что он верит, а ведет себя так, как неверующий, государство должно предать смерти, ибо он солгал перед законами.⁹⁰

Руссо не смог подняться до исторического обоснования демократического идеала. Несмотря на гениальные проблески диалектического и материалистического понимания общественных явлений, свою политическую систему Руссо строит строго рационалистическим методом. В результате получается некая политическая утопия, резко противостоящая реально существующему политическому порядку и потому оказывающаяся в эпоху революции неплохим орудием борьбы с этим порядком. Эта утопия при всем радикализме предлагаемых ею политических форм покоится, однако, на очень неустойчивом основании. Государство, изображаемое Руссо в «Общественном договоре», строится в классовом обществе, где существуют противоречия классовых интересов,— «частных интересов», по терминологии Руссо. Руссо, как мы знаем, не мечтает о полном уничтожении классов. Он стремится лишь к установлению в обществе некоторого относительного равенства, к «ограничению богатства» при сохранении частной собственности. Но противоречия интересов могут исчезнуть только с исчезновением классов. Идея взаимного уничтожения интересов, очищающего путь всеобщей воле, есть прикрытая математической формулировкой мелкобуржуазная идея примирения классовых противоречий.

Столь же мелкобуржуазна по своему социальному генезису идея гражданской религии. Общество Руссо, если отрешиться от политических форм, совершенно аморфно; оно не знает никаких общественных организаций, оно — простая совокупность индивидов. Это — представление, в полной мере соответствующее психологии независимого товаропроизводителя. Но индивиды, не связанные ни узами классовой солидарности, ни единством политических целей, даже не имеющие права совещаться друг с другом, в то же время, вопреки «частным интересам», образуют единое политическое тело с единой волей. Вполне естественно стремление скрепить это лишенное внутренней связи сооружение цементом религиозных стимулов. В бесклассовом обществе религиозная санкция совершенно излишня. Для мелкобуржуазной индивидуалистической утопии гражданская религия необходима как противовес сохраняющим свою силу капиталистическим тенденциям, непрерывно угрожающим самому существованию мелкобуржуазной демократии, как узды для богатых и утешение для бедных. Закономерность религиозной санкции в системе Руссо была наглядно и убедительно подтверждена религиозной политикой робеспьеровского Комитета общественного спасения.

* * *

Время наибольшего, совершенно исключительного, влияния идей Руссо падает на годы якобинской диктатуры. Руссо был непререкаемым авторитетом для Робеспьера. Французских революционных демократов XVIII века не мог не вдохновлять радикализм политических построений Руссо, — построений, в которых принцип народного суверенитета получил столь последовательное развитие. Для политических деятелей, считавших себя защитниками интересов «санкюлотов», резкая критика неравенства в произведениях Руссо и его эгалитарные проекты не могли не представляться ярким выражением их собственных социальных мечтаний.

⁸⁹ Politique, t.II, p.252—255.

⁹⁰ Ibid., p.258-259.

Влияние Руссо на якобинцев не ограничивалось принципиальными вопросами политической и социальной теории. Это влияние отражалось весьма явственно во всех решениях, во всех действиях якобинского правительства. У Руссо черпали якобинцы аргументы в пользу утверждения законов народным голосованием и выборности должностных лиц, но у Руссо же находили они доводы и в пользу революционной диктатуры. В учении Руссо о верховном праве государства на имущество граждан находили они теоретическое обоснование своих социальных мероприятий: борьбы со спекуляцией, государственного регулирования цен, принудительных займов и т.п. Наконец, Руссо вдохновлял Робеспьера в его борьбе с «атеистами». Для Робеспьера Руссо был «гений свободы», «истинный друг человечества».

Историческое значение философии Руссо определяется не только ее влиянием и ролью в предреволюционной и революционной Франции. Выдвинутые Руссо положения имели гораздо более широкий круг воздействия. Это воздействие проявляется в той или иной мере в самых различных течениях социальной мысли XVIII и начала XIX столетия. Общественные теории Руссо представляют собой сложный комплекс идей. Влияние Руссо испытали на себе и революционный коммунист Бабеф, и мирный утопист Фурье, и анархист Годвин. Произведения Руссо в течение многих лет служили орудием борьбы с существующим строем, с царящими в нем неравенством и эксплуатацией.

2. ЛЕНГЕ. БРИССО

В своей критике общественного неравенства Руссо не был, как мы знаем, одинок. В 60-х и 70-х годах XVIII века даже в работах, признающих буржуазные отношения вечными и неизменными, можно найти весьма яркое изображение царящего в обществе неравенства. Очевидно, влияние настроений, питавших мелкобуржуазную критику капиталистических отношений, распространялось весьма широко. Из современников Руссо отрицательное отношение к капитализму с наибольшей последовательностью и резкостью выражает, несомненно, Ленге. Работа Ленге «Теория гражданских законов» получила весьма высокую оценку Маркса.

Ленге (1736—1794), блестящий адвокат, оригинальный и остроумный публицист, пользовался в предреволюционное время большой известностью. Он много писал, и его охотно и много читали. По своей одаренности он может быть поставлен в один ряд с крупнейшими французскими политическими писателями XVIII века.⁹¹ Но его влияние на современников и на последующее развитие общественной мысли совершенно не соответствует его таланту. Его критика остра, но бесплодна; он совершенно не в состоянии найти выход из тупика своих пессимистических рассуждений. Свою полемику против буржуазно-либеральной идеализации физиократов он, по выражению Маркса, полусерьезно-полуиронически облекает в реакционную оболочку.⁹² Он восхваляет рабство и азиатский деспотизм, защищает иезуитов, идеализирует Тиберию и Нерона. Эти реакционные парадоксы могли развлекать читателей, но, конечно, не могли создать Ленге прочного круга последователей. Морально и политически неустойчивый, Ленге вызывал к себе недоверие в прогрессивных литературных кругах. Не стесняющийся в средствах и опасный полемист, он нажил много врагов и почти совсем не имел друзей. Перед революцией Ленге был вынужден эмигрировать и провел ряд лет за границей. Вернувшись во Францию уже после падения абсолютизма, он был обвинен во время террора в «лести деспотам» и кончил свою жизнь на эшафоте.

Общественная теория Ленге, соприкасающаяся в некоторых пунктах с теорией Руссо, приводит читателя к глубоко безнадежным выводам. Ленге, как и другие современные ему мыслители, начинает историю человечества с естественного состояния. Естественное состояние не допускает ни судей, ни запрещений, ни собственности.⁹³ Люди связаны друг с другом лишь узами естественных привязанностей. Они ищут себе пропитание, переходя с места на место, и каждый овладевает тем, что ему нужно и чем он может овладеть. Это — первобытная анархия, однако не чуждая известных элементов общественности. Постепенно, в силу различия естественных условий, возникают разделение труда между группами и различия в образе жизни. Одни занимаются охотой, другие переходят к скотоводству и к обработке земли. Разделение труда создает почву для образования настоящего, политического общества, или государства. У земледельцев неизбежно появляется идея индивидуального владения. Но это владение не закреплено никакими законами, никакими общественными соглашениями. Наоборот, условия жизни располагают земледельцев к изолированному существованию, отталкивают их от общения.

⁹¹ Стоит отметить, что знаменитая речь Базиля о клевете в «Севильском цирюльнике» Бомарше имеет своим прототипом отрывок из одного полемического памфлета Ленге.

⁹² См. К.Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч.1, стр.322.

⁹³ N.Linguet La theorie des loix civiles, t.I. Paris, 1767, p.350.